

УДК 1

Шматько Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук,
Армавирский государственный педагогический университет
alex79andr@mail.ru

Alexander A. Shmatko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, Law and social sciences
Armavir State Pedagogical University
alex79andr@mail.ru

Проблема интерпретации исторического факта как содержания исторического сознания

The problem of interpreting a historical fact as the content of historical consciousness

***Аннотация.** В данной статье автором анализируются особенности социально-философского понимания исторического факта, производится анализ онтологических, эпистемологических и аксиологических оснований исторического факта в контексте исторического исследования. Подчеркивается отличие идеографического исторического факта от номотетического, которое состоит в дескриптивном языковом выражении. Выявляются достоинства и недостатки риторики как инструмента историописания. Описаны проблемы и перспективы процесса эстетизации исторического познания, а также, особенности использования художественных методов в исторической науке.*

***Ключевые слова:** историческое сознание, исторический факт, историописание, нарратив, логика, риторика, интерпретация, репрезентация, рациональность, социальная феноменология, институт образования, эстетика.*

***Annotation.** The authors of the article discuss the features of the socio-philosophical understanding of a historical fact, analyze the ontological, epistemological and axiological foundations of a historical fact in the context of historical research. The author emphasizes the difference between an ideographic historical fact and a nomothetic one, which consists in a descriptive linguistic expression. The advantages and disadvantages of rhetoric as an instrument of historical writing are revealed. The problems and prospects of the process of aestheticization of historical knowledge are described, as well as the features of the use of artistic methods in historical science.*

***Keywords:** historic fact, description of history, narrative, logic, rhetoric, interpretation, representation, rationality, social phenomenology, institute of education, aesthetics*

Проблема теоретического понимания исторического факта не теряет свою актуальность по самым разным причинам. Прежде всего, история как наука разворачивает совою объяснительную схему в определённом типе рациональности[3, с.103], который всегда социокультурно обусловлен и при любом системном изменении ценностного ландшафта общества запускает пересмотр базовых мировоззренческих оснований, лежащих в фундаменте общественного сознания. Вместе с ценностями пересматриваются концептуальные основания социально-гуманитарных наук, а в современном обществе, в котором кризис превратился в постоянный процесс, этот рефлексивный пересмотр происходит практически безостановочно.

Крупные постмодернистские и постструктуралистские теории исторического опыта и исторического сознания второй половины XX века, казалось бы, лишили представление об истории иллюзии ложной прозрачности и ясности, однако исследователи отмечают, что стремление к её компенсации по-прежнему велико [9, с.5]. И запрос общества на «прозрачное» монотеоретичное понимание истории настолько недвусмысленен, что в жертву этой прозрачности часто приносится и сама рациональность. Общество снова идёт по пути грубой редукции и идеологизации истории, что свидетельствует в пользу неисчерпанности данного вопроса и требует продолжения философского поиска в данном направлении.

XX век принес много нового исследователям социальности во всех аспектах её изучения: в структурном, в функциональном и в динамическом. Европейские философы и социальные теоретики, такие как Х. Уайт, Й. Рюзен, Ф. Анкерсмит, Б. Латур [1; 6; 7; 4] и другие постепенно возвращали историческое исследование в «человекообразный» и лингвистический формат. Расширилось понимание того, как именно формируется культура присвоения миру значений и от этого историческая наука отнюдь не проиграла. Кроме того, выяснилось, что классические социально-исторические редукции, смонтированные по рационалистическим схемам, также отнюдь не свободны от мифов или, к примеру, культуртрегерских или иных амбиций их авторов.

Лингвистический поворот в философии вывел понимание исторического факта в новое смысловое пространство, где главный «смысловой интервал», составляющий проблематичность исторической истины, существует даже не между референтом (социальным событием) и его историческим значением, а между фактом (социальным явлением) и текстом, создаваемым для фиксации и реификации факта. Сложность, однако, заключается в том, что язык не способен удерживать факт неизменным, так как смысл, зафиксированный в тексте, не самодостаточен. Он лишь частичен, вторую часть воспроизводит читатель.

Разумеется, способов удерживания факта в интересующем пространстве, помимо исторического нарратива, существует немало. Любые виды социально-гуманитарного знания фиксируют и организуют факты. С

этим также прекрасно справляются и иные виды нарратива: мифологический, художественный, идеологический, персонально-исторический (литературно-биографический). Производством, ассимиляцией и трансляцией личностно значимых фактов занимается, в той или иной степени, любой человек. Однако создание исторического нарратива отличается от всех этих способов как целое от части – историческое повествование выступает своего рода ценностной результирующей всех этих попыток сохранить адекватное представление о фактах реальности. Оно производит генеральное ранжирование нарративов, фильтрует содержащиеся в них факты, отбрасывает их основную массу, связывая остальное в синтетический ценностно-смысловой «позвоночник» своего времени, основанный на рациональном и секулярном принципах.

И это, в каком-то смысле, процесс однонаправленный. Попытки демонтировать, снова разобрать и собрать уже организованные таким образом смысловые связки на отдельные факты могут не дать результата даже в том случае, если какой-либо факт в них решительно недостоверен и нуждается в опровержении. Будучи включённым однажды в исторический нарратив, он начинает удерживаться отнюдь не логическими значениями истинности или ложности, его фиксируют там такие могучие культурные силы, как общественные привычки, стереотипы, идеология или институциональные практики, например, образование.

По-видимому, «эффект Qwerty», описанный Д. Нортон для объяснения институциональных ловушек[5] скрепляют в единые сцепки мифологические и рационально обоснованные представления о событиях прошлого, придавая им через образовательные институты механизмы самоподдержания и высокую инерционность. Случайный выбор, сделанный однажды в процессе истолкования факта в момент включения его в исторический нарратив, закрепляется и удерживается силой всех последующих решений, интерпретаций и выборов, совершённых на его основе. Чем «исторически старше» такой факт, тем, как правило, труднее его устранить из нарратива, даже, несмотря на многочисленные попытки фальсификации его истинности. В качестве примера можно привести норманнскую теорию, которая, несмотря на достаточно убедительные аргументы со стороны антинорманнистов, продолжает существовать в историографии и изучаться целыми поколениями студентов. В данном случае, её удерживает не столько сам нарратив, способный обойтись иными объяснительными средствами, но идеологические инструменты объяснения причин образования древнерусского государства (еще более наглядным доводом может служить то, что после политических событий в Украине 2014 года и смены исторических акцентов в понимании древнерусской истории норманнская теория стала естественным образом терять свою былую привлекательность и популярность.)

В описании исторического факта также обнаруживается выраженная проблема с логико-лингвистическим инструментарием, поскольку социальная реальность, не отражается узкими законами формальной логики.

Не все события имеют выраженную причинно-следственную связь. В XX веке исследователи отчасти научились снимать эти противоречия путём замены логики риторикой – логикой праксиса[8].

Американский философ истории Х. Уайт считает, что силлогистическое мышление не отражает отношения людей. Люди, в лучшем случае, строят свои умозаключения как энтимемы, в худшем – рассуждают противоречиво и непоследовательно. Кроме того, «логика жизни» не состоит из жёсткого каркаса конструкций, она изобилует метафорами, коннотациями, аллюзиями, люди, не умозаключают, а импровизируют, шутят, намекают, умалчивают и лгут. Намёки и интуиции составляют столь существенную часть описания жизни, что способны производить полную инверсию смысла. Поэтому редуцировать их в историописании – значит создавать лингвистические конструкции, заведомо не способные описать жизнь. Кроме того, истинность или ложность умозаключений часто устанавливается спонтанно и конвенционально, то есть, истиной становится не то, что выведено по правилу аристотелевской логики, а то, что выглядит убедительным.

Однако историческая наука максимально дистанцируется от признания риторикой своим главным инструментом. Историки осторожно относятся к возможностям построения культурно-ценностного дискурса и готовы скорее пожертвовать сходством историописания с жизнью, чем попасть в ловушку этого самого ценностного дискурса и превратить рациональное повествование в художественное или идеологическое[9].

Историческое познание в последние десятилетия стремительно расширяется и ломает дисциплинарные барьеры, практически герметично разделявшие области научного, религиозного знания, литературы и искусства. Современные социальные исследователи Европы и США стремятся к реконструкции, так называемой, «тотальной истории», реконструирующей бытие исторического человека во всей полноте. Это не может не сказаться на понимании исторического факта, который становится результатом не столько логического конструирования отображаемого в языке события, сколько результатом переживания его смысла и значения, социальной рефлексии, совершенной субъектом. Это, несомненно, обогащает эпистемологический аспект исследования исторического факта, оснащает исследование механизмов «стыковки эпох» и реконструкции утерянных смыслов новыми возможностями. Эстетическое переживание, наравне с моральным или любым другим, способно стать тем «силовым полем», вокруг которого выстраивается исторический факт[10]. Однако эстетизация вносит в историческое исследование и дополнительные сложности, поскольку его результаты лишаются важнейшего средства удостоверения формально-логической истинности. Важным предостережением, особенно касающимся исторической науки, редуцированной для образовательных целей, может быть мысль о том, что исторический текст необходимо сохранять свободным от готового художественного образа и идеи.

Таким образом, понимание исторического факта – феномена смысловой «совместности», события и результата действия по его реконструкции, зависит:

- от качества воссоздания особого специфического поля отношений и связей людей и социальных групп, исторической модели социокультурных, психологических и даже биологических взаимодействий, от уникального социального порядка, составляющего контекст этого факта;

- от методологической релевантности исследовательского подхода, учитывающей особенности intersubjectивную смысловую природу исторического факта и сочетающих в своей палитре разные как научные, так и ненаучные познавательные инструменты и приёмы реконструкции исторического факта;

- от ценностного вектора общественного сознания, современного исследователю, формируемого как политическими, так и образовательным институтами, ассимилирующим и транслирующим исторический факт, придающими ему современное значение.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 496 с.

2. Бурас М., Кронгауз М. *Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности* // «Наука и жизнь» № 8, 2011. С. 66-72.

3. Доманска Э. *Философия истории после постмодернизма*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.

4. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 382 с.

5. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. – М: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.

6. Рюзен Й. *Кризис, травма и идентичность* // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания М.: ИВИ РАН, 2005. 230 с.

7. Уайт Хейден // Доманска Эва. *Философия истории после постмодернизма*. М. «Канон+». 2010. 400 с.

8. Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* Екатеринбург, 2002. 528 с.

9. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Goncharov V. N., Erokhin A. M., Kolosova O. Yu. *Ontological Status and Valuable Determination of Social Norms and Normative Systems* // *The Social Sciences* – 2015 – V. 10 – No 9 p. 2216-2220.1

10. Baklanova O. A., Baklanov I. S., Kolomak A. I., Pokhilko A. D. *Sociality as a Social-Philosophical Problem* // *Life Science Journal*. – 2014. – V. 11. № 11s. – p. 5-7.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 496 с.

2. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // «Наука и жизнь» № 8, 2011. С. 66-72.
3. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 382 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
6. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания М.: ИВИ РАН, 2005. 230 с.
7. Уайт Хейден // Доманска Эва. Философия истории после постмодернизма. М. «Канон+». 2010. 400 с.
8. Уайт Х. Метаистория : Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002. 528 с.
9. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Гончаров В. Н., Ерохин А. М., Колосова О. Ю. Онтологический статус и ценностная детерминация социальных норм и нормативных систем // Социальные науки – 2015 – V. 10 – № 9 с. 2216-2220.1
10. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Коломак А. И., Похилько А. Д. Социальность как социально-философская проблема // Журнал естественных наук. – 2014. – V. 11. № 11с. – С. 5-7.